

МОРИС
ДРЮОН

ПРОКЛЯТЫЕ КОРОЛИ

СЕРИЯ «ПРОКЛЯТЫЕ КОРОЛИ»

ЖЕЛЕЗНЫЙ КОРОЛЬ

УЗНИЦА ШАТО-ГАЙАРА

ЯД И КОРОНА

НЕГОЖЕ ЛИЛИЯМ ПРЯСТЬ

ФРАНЦУЗСКАЯ ВОЛЧИЦА

ЛИЛИЯ И ЛЕВ

МОРИС
ДРЮОН

ЛИЛИЯ
И
ЛЕВ

Москва
2016

УДК 821.133.1-311.6
ББК 84(4Фра)-44
Д78

Maurice Druon
LE LIS ET LE LION

Originally published under the title «LES ROIS MAUDITS» including: Vol. 6:
LE LIS ET LE LION

© 1966 by Maurice Druon, Librairie Plon et Editions Mondiales

Оформление серии *Андрея Саукова, Петра Сацкого*

Иллюстрации *Юрия Платова*

Иллюстрация на переплете *Павла Трофимова*

Дрюон, Морис.
Д78 Лилия и лев / Морис Дрюон ; [пер. с фр. Н. М. Жарковой]. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 416 с. : ил. — (Прообраз «Игры престолов». Первое иллюстрированное издание).

ISBN 978-5-699-86818-6

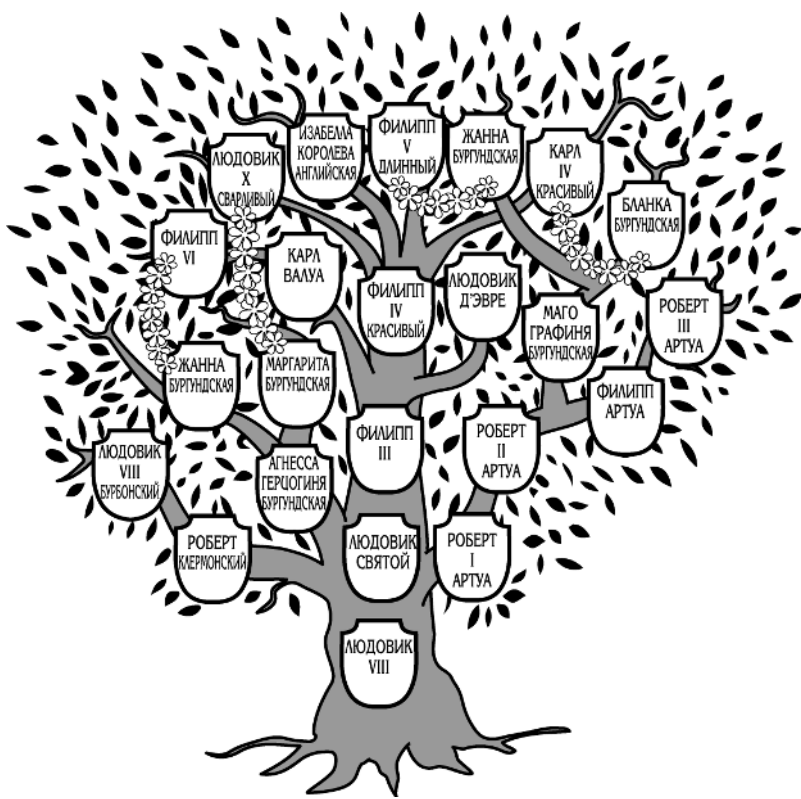
В трагическую годину История возносит на гребень великих людей, но сами трагедии — дело рук посредственностей...

Проклятие Великого магистра ордена тамплиеров, брошенное из пламени костра всему роду Капетингов, похоже, переросло само себя — и поразило всю Францию. Вот уже не осталось никого из проклятой династии — всех настигла смерть, — а невзгоды продолжают преследовать новую королевскую фамилию Валуа. Удары сыплются на нового короля Филиппа VI откуда ни возьмись. Его обманывает собственная жена, предает лучший друг и ближайший соратник, отказывается от клятвы верности самый крупный вассал... Но, что самое главное, все эти проблемы, которые поначалу казались малозначимыми и внутрисемейными, переросли в величайшее бедствие — войну, которой суждено будет продлиться сто лет. И лишь в ее горниле сгорит проклятие тамплиеров...

УДК 821.133.1-311.6
ББК 84(4Фра)-44

© Ключанская Н.В., перевод на русский язык, 2016
© Ефимов Л., перевод комментариев на русский язык, 2009
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

ISBN 978-5-699-86818-6

Главное в политике — стремление к захвату и удержанию власти; и, следовательно, тут требуется воздействовать на умы принуждением или обманом... Политик в конечном счете всегда бывает принужден прибегать к фальсификации.

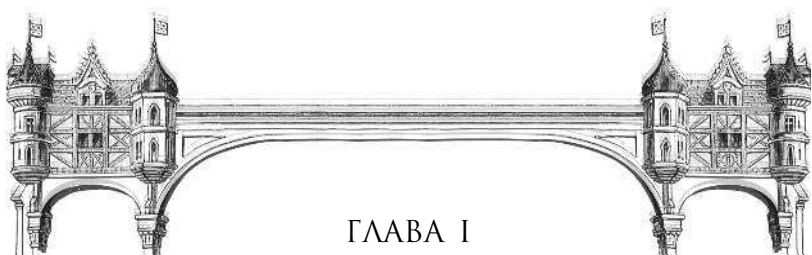
Поль Валери

Я хочу еще раз выразить горячую признательность Пьеру де Лакретелю, Жоржу Кесселю, Кристиану Гремийону, Мадлен Мариньяк, Жильберу Сиго, Жозе-Андре Лакуру за ценную помощь, которую они оказали мне во время работы над этим томом; хочу также поблагодарить работников Национальной библиотеки и Национальных архивов за необходимое содействие моим изысканиям.

М. Д.

—, ЧАСТЬ ПЕРВАЯ —

НОВЫЕ КОРОЛИ

ГЛАВА I

БРАКОСОЧЕТАНИЕ В ЯНВАРЕ

Вот уже два часа подряд из всех городских приходов, и с левого, и с правого берега реки, из Сент-Дениса, из Сент-Катберта, из Сент-Мартин-и-Грегори, из Сент-Мэри-Сениор и Сент-Мэри-Джуниор, с Боен и с улицы Дубильщиков — отовсюду, со всех сторон тянулся йоркский люд, текли бесконечные вереницы зевак к Минстеру, к этому гиганту-собору с еще не достроенным западным порталом, к этой вытянутой в длину громаде, царившей с вершины холма над всей округой.

На Стоунгейт и на Дингейт, на двух кривых улочках, выходивших к Ярду, получился настоящий затор. Даже неунывающие мальчишки, взгромоздившиеся на каменные тумбы, видели на площади одни лишь головы, головы... сотни и тысячи голов. Горожане, торговцы, почтенные матроны с целыми выводками ребятишек, калечные на костылях, служанки, ремесленники, клирики в своих капюшонах, солдаты в кольчугах, нищие в жалких отрепьях — все смешались, как соломинки в копне сена. Проворные пальцы воришек очищали карманы зевак, собирая жатву вперед на целых полгода. Из окон, как гроздь, свешивались головы.

Среди бела дня наполз откуда-то, словно дым, серый влажный полумрак, зябкая мгла, плотный, как вата, туман, окутавший огромный костяк собора, тысячи шлепавших по

грязи зевак. Люди сбивались плотнее, лишь бы сохранить драгоценное тепло.

Двадцать четвертое января 1328 года. Здесь, в соборе, его преосвященство Уильям Мелтон, архиепископ Йоркский и примас Англии, сочетал браком короля Эдуарда III, которому не было еще и шестнадцати, с мадам Филиппой Геннегау, его троюродной сестрой, которой недавно исполнилось четырнадцать.

Некуда было яблоку упасть в соборе, где собралась вся высшая знать — государственные сановники, высшее духовенство, члены Парламента, да еще пять сотен рыцарей и сотня шотландских дворян в клетчатом одеянии, уполномоченных не только представлять Шотландию на брачной церемонии, но заодно и подписать мирный договор. Вот-вот должна была начаться торжественная месса, и по этому случаю был приглашен хор в сто двадцать певчих.

Но первая часть церемонии — собственно говоря, само бракосочетание — происходила перед южным порталом, на паперти собора и на виду собравшегося народа, согласно древнему ритуалу и обычаям Йоркской епархии.

На алом бархате балдахина, воздвигнутого на паперти, взбухали влажные полосы оседавшего мельчайшими каплями тумана на епископских митрах; мокрые меха липли к плечам королевской родни, сгрудившейся вокруг юной четы.

— *Here I take thee, Philippa, to my wedded wife, to have and to hold at bed and at board...* — Беру тебя, Филиппа, в законные жены, дабы иметь тебя при себе на ложе своем и у очага своего...

Слова клятвы произносил безусый юнец с мальчишески пухлыми губами, и, однако, голос шестнадцатилетнего короля поразил присутствующих силой, чистотой и какой-то особо выразительной звучностью. Поразил он и мать Эдуарда III — королеву Изабеллу Французскую, и мессира Иоганна Геннегау, дядю новобрачной, и всех вельмож, и среди них графа Эдмунда Кентского и Норфолкского и графа Ланка-

стерского, по прозвищу Кривая Шея, главу Регентского совета и королевского опекуна, стоявших в первом ряду.

— *...for fairer for fouler, for better for worse, in sickness and in health...* — в красоте и убожестве, в счастье и несчастье, в болезни и в здравии...

Шепот, стоявший над толпой, вдруг смолк. Будто круговая волна тишины омыла всю площадь, и лишь голос короля раздавался над тысячами голов, юный, чистый голос, слышный в самых дальних уголках площади. Неторопливо произносил король слова обета, выученного им наизусть еще накануне, но чудилось, будто рождаются они у всех на глазах прямо из сердца — так проникновенно звучало каждое слово, так он «обдумывал» каждую священную формулу, дабы вложить в нее самый сокровенный и самый заветный смысл. Казалось, Эдуард творит молитву, ту молитву, что не повторяют дважды, а творят лишь один-единственный раз на всю жизнь.

И устами этого юноши говорила душа зрелого мужа, человека, с открытыми глазами принимающего на себя обет перед лицом Неба, правителя, сознающего свою роль посредника между богом и народом. Новый король брал родных, близких, важных сановников, баронов, прелатов, жителей города Йорка и всей Англии в свидетели своей любви к королеве Филиппе.

Пророки, ревностно служащие Господу своему, духовные вожаки народа, сильные своей одержимостью, умеют как никто заразить толпу своей верой. Публично выраженная любовь также наделена этим свойством, чувства одного человека способны сплотить людей в едином порыве.

Не было среди собравшихся у собора ни одной женщины, которая независимо от возраста, будь то счастливая новобрачная или обманутая жена, вдова, девица, дряхлая бабка, не поставила бы себя сейчас на место брачующейся, и не было ни одного мужчины, не отождествлявшего себя в эти минуты с юным королем. Эдуард III сочетался с вечно жен-

ственным, с женской половиной своих подданных, и казалось, само королевство единодушно выбрало ему в подруги Филиппу. Все грезы юности, все разочарования зрелости, все сожаления старости о несбывшихся надеждах влеклись к молодой чете, подобно дару, приносимому каждым сердцем. Нынче вечером тьму улиц прорежет сияние этих молодых глаз, и даже старые супружеские пары, уже давно живущие, хоть и бок о бок, но каждый сам по себе, возьмутся после ужина за руки.

И если с давнишних времен народ всегда стремится поглазеть на королевскую свадьбу, то движет людьми одно желание — пережить, если не прямо, то хоть косвенно, минуты этого счастья, ибо, вознесенное на такую высоту, оно кажется совершенным.

— *...till death us do part...* — пока не разлучит нас смерть...

У каждого при этих словах перехватило горло; вся площадь испустила долгий вздох, вздох грустного удивления, почти осуждающий вздох. Нет, негоже в такие минуты даже поминать смерть; не может быть, чтобы этим двум столь юным существам была уготована общая участь; даже помыслить трудно, что и они тоже смертны.

— *...and thereto I plight thee my troth...* — и по всем этому я даю тебе свою клятву.

Юный король чувствовал взволнованное дыхание толпы, но не бросил туда взгляда. Его светло-голубые, почти серые глаза под длинными ресницами были устремлены на эту рыженькую пухленькую девочку, всю в бархате и покрывалах, которой он приносил свою клятву.

Ибо Филиппа отнюдь не походила на принцессу из волшебной сказки, даже хорошенькой ее трудно было назвать. Как у всех Геннегау, черты у нее были расплывчатые, нос чуть вздернутый, шея коротковата, и притом все лицо в веснушках. Ни в повадках, ни во всем облике не проглядывало особого изящества, зато она была совсем простенькая и даже не пыталась придать себе величественный вид, что было бы

ей вовсе не к лицу. Не будь на ней этого королевского наряда, ее трудно было бы отличить от любой рыженькой девушки, ее ровесницы: таких пухленьких рыженьких девочек сотни, если не тысячи, во всех северных странах Европы. Она была избранницей судьбы и Господа Бога, но, в сущности, ничем, буквально ничем не отличалась ото всех прочих женщин, чьей королевой ей суждено было стать. Любая рыженькая пухленькая девица чувствовала себя польщенной и как бы поднявшейся ступенью выше по иерархической лестнице.

Сама Филиппа, взволнованная до дрожи, не подымала век, словно не в силах была выдержать устремленный на нее пристальный взгляд своего супруга. Все, что произошло с нею, было чересчур прекрасно. Сколько вокруг нее корон, сколько митр, а эти рыцари, а эти дамы, которых она успела заметить внутри собора, стоявшие в ряд за огромными свечами, как души избранных в раю, и вся эта толпа на площади... Королевой, она будет королевой, и избрана она по любви!

О, как же она будет холить, угождать, боготворить этого белокурого красавца принца, у которого такие длинные ресницы, такие тонкие руки, который каким-то чудом появился в их Валансьенне полтора года назад, прибыл туда вместе с изгнанницей матерью, приехавшей к ним просить помощи и приюта! Родители посылали детей в сад поиграть; он влюбился в нее, а она — в него. А теперь он стал королем, но не забыл ее... Какое же это счастье — отдать ему всю свою жизнь без оглядки! Одного только боялась Филиппа — не такая уж она хорошенькая, чтобы нравиться ему и впредь, и не такая уж ученая, чтобы быть ему помощницей.

— Протяните, мадам, вашу правую руку, — обратился к ней архиепископ-примас.

Выпостав из-под длинного бархатного обшлага свою пухлую ручку, Филиппа решительно протянула ее ладонью вверх, растопырив пальчики. Эдуард с восторгом взглянул на эту розовую живую звездочку, вверявшуюся ему.

